

ГЛАВА II

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ И БУДУЩИХ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Характер современных войн (вооруженных конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий¹.
Военная доктрина РФ, 2000 г.

Военные конфликты характеризуются целями, способами и средствами достижения этих целей, масштабами и сроками военных действий, формами и способами вооруженной борьбы и применяемыми вооружениями и военной техникой².
Военная доктрина РФ, 2010 г.

Как видно из сравнения двух определений понятия «характер войн и вооруженных конфликтов», в последней редакции Военной доктрины России 2010 года дается более полное и расширенное толкование. Таким образом, если исходить из последней редакции, необходимо выделить те основные показатели и критерии, которые характеризуют:

- цели (военно-политические цели) войн и конфликтов;
- способы и средства достижения этих целей;
- масштабы и сроки вероятных военных действий;
- формы и способы вооруженной борьбы;
- применяемые (планируемые к применению) вооружения и военная техника.

К основным определениям, характеризующим масштабы войн и военных конфликтов в Военной доктрине 2010 года, относятся совершенно определенные понятия, в частности:

- «— **военный конфликт** — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты);
- **вооруженный конфликт** — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);
- **локальная война** — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противостоящих государств и которая затрагивает

преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);

- **региональная война** — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели;
- **крупномасштабная война** — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников³.

Если говорить о целях (военно-политических целях в редакции 2000 г.), то война может быть:

- справедливой (не противоречащей нормам международного права), оборонительной, ведущейся в порядке самообороны;
- несправедливой (подпадающей под определенные агрессии)⁴.

Есть основания полагать, что подобные международно-правовые **критерии** военно-политических целей войны и вооруженных конфликтов достаточно размыты, тем более, что «главный арбитр» — ООН не раз в современной истории принимала противоречивые решения. Последний пример — позиция Совета Безопасности по референдуму в Крыму, который 15 марта 2014 года 13 голосами против одного (при воздержавшемся Китае) осудил референдум, хотя, занимал совершенно другую позицию по вопросу о независимости Косово еще несколько лет назад.

Главное, однако, заключается не в определении «справедливых» и «несправедливых» целей войны, которые не могут быть объективно оценены, а в определении реальных военно-политических целей, которые преследуют те или иные субъекты ВПО, а также способов и средств их достижения. Здесь, следует признать, что в Военной доктрине России существуют значительные пробелы, которые очевидно вытекают из анализа политической практики последних десятилетий. К основным из них следует отнести следующие:

Во-первых, военно-политические цели совсем не обязательно формулируются перед военными организациями и вооруженными формированиями государств. Современные войны и военные конфликты становятся в наименьшей степени зависимы от прямого военного противостояния и соотношения

военных сил. Все чаще используются вооруженная оппозиция, иррегулярные формирования, в т.ч. частные структуры, кибератаки, информационные войны и др. невоенные средства достижения военно-политических целей.

Во-вторых, собственно сами вооруженные силы и военная мощь играют важную роль политического гаранта использования невоенных средств насилия, переходя все больше в категорию «политического» оружия. Так, военные потенциалы Китая и Тайваня несопоставимы, что позволяет Китаю во все большей степени проникать на Тайвань.

Данные по Вооруженным силам Китая и Тайваня⁵

Баланс военных сил в зоне Тайваньского пролива, Сухопутные силы

	Китай		Тайвань
	Всего	Зона пролива	Всего
Личный состав (действ.)	1,25 миллиона	400 000	130 000
Группы армий	18	8	3
Пехотные дивизии	19	6	0
Пехотные бригады	25	11	8
Механизированные дивизии	4	1	0
Механизированные бригады	5	1	3
Бронетанковые дивизии	9	4	0
Бронетанковые бригады	8	3	4
Артиллерийские дивизии	2	2	0
Артиллерийские бригады	17	6	5
Воздушн. десантные дивизии	3	3	0
Морск. десантные дивизии	2	2	0
Морск. десантные бригады	3	3	3
Танки	7,000	3,100	1,100
Артиллерийские орудия	8,000	3,400	1,600

Примечание: Действующие сухопутные силы НОА сформированы в группы армий. Пехота, бронетанковые войска и артиллерия сформированы в сочетании дивизий и бригад, дислоцированных в семи военных округах. Подавляющая часть этих сил развернута в зоне Тайваньского пролива, особенно в военных округах Наньцзин, Гуанчжоу и Дзинань. Тайвань имеет семь оборонительных командований, три из которых представляют собой полевые армии. В состав каждой армии входит командование артиллерией, которое по численности, примерно, эквивалентно усиленной бригаде.

Если посмотреть на соотношение военных сил КНР и Тайваня (даже без учета ВМФ США), то оказывается, что внешне у Тайваня достаточно средств для сохранения суверенитета, однако, это отнюдь не означает, что так в действительности. По оценкам экспертов, через десять–пятнадцать лет Тайвань окончательно потеряет независимость. При этом вероятность войны

или военного конфликта, которая была очень высокой в 1950–1970 гг., сегодня фактически сведена к нулю.

Сказанное означает, что как оценка военно-политических целей, так и способов и средств их достижения во втором десятилетии XXI века должна стать иной, а существующая Военная доктрина России требует существенных уточнений.

Показатели и критерии, определяющие характер войн и вооруженных конфликтов⁶

... ВКО, являясь составной частью обороны государства, представляет собой систему политических, экономических, военных, военно-технических, правовых и иных мер по подготовке и ведению военных действий в воздушно-космическом пространстве⁷.

*К. Макаров, доктор военных наук,
С. Ягольников, профессор*

Точное определение современного, а тем более будущего характера возможной войны сталкивается с множеством трудностей, которые вытекают из множественности факторов — внешних и внутренних, — влияющих на современную и будущую ВПО.

Кроме того, такое определение изначально носит субъективный характер, который зависит от позиции правящей элиты, политической и военной традиции, корпоративных, групповых и личностных интересов. Так, если бы в 1918 году попытались определить будущий (через 20 лет) характер войн те политики и военачальники Советской России, которые участвовали в гражданской войне, то их прогноз, коротко говоря, сводился бы к следующему:

- военно-политические цели войны — уничтожение мирового империализма и оппортунизма;
- основные средства — мобильные массы конницы, тачанки, бронепоезда и т.д.

История России и Европы показала, что с 1918 по 1941 годы представления о военно-политических целях войны и средствах их ведения менялись не раз. В том числе в зависимости от внутриполитической ситуации в той или иной стране.

Не менее трудно сделать такую адекватную оценку и сегодня даже при наличии огромных объемов информации, программных, аналитических и иных возможностей. Так, можно попытаться определить военно-политические цели КНР и некоторые средства их достижения, исходя из анализа открытой информации о ядерных силах Китая⁸.

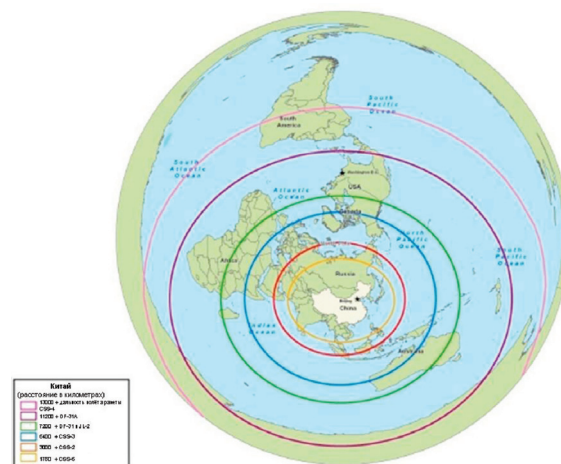
Китай способен нацеливать свои ядерные силы на большую часть территории земного шара, включая континентальную часть Соединённых Штатов. Новейшие баллистические ракеты DF-31, DF-31A и JL-2, позволят Китаю повысить живучесть своих ядерных сил⁹.

Как представляется, можно сделать два, прямо противоположных, вывода о возможных военно-

Ракетные силы Китая

Номенклатура ракет	Баллистические и крылатые ракеты		Ориентировочный радиус действия
	Ракеты	Пусковые установки	
CSS-2	15–20	5–10	Свыше 3000 км
CSS-3	15–20	10–15	Свыше 5400 км
CSS-4	20	20	Свыше 13 000 км
DF-31	<10	<10	Свыше 7200 км
DF-31A	10–15	10–15	Свыше 11 200 км
CSS-5	85–95	75–85	Свыше 1750 км
CSS-6	350–400	90–110	600 км
CSS-7	700–750	120–140	300 км
DH-10	200–500	45–55	Свыше 1500 км
JL-2	Разрабатывается	Разрабатывается	Свыше 7200 км

Примечание: Второй артиллерийский корпус Китая включает в себя, по крайней мере, пять оперативно развернутых бригад баллистических ракет малой дальности; дополнительно к этому две бригады входят в состав сухопутных войск НОА — одна дислоцирована в военном округе Наньнин (Nanjing), а вторая — в военном округе Гуанчжоу. Все части таких крылатых ракет малой дальности размещены вблизи Тайваня.



политических целях КНР, т. е. о главном критерии характера будущей войны в представлении правящей элиты Китая.

Вывод первый: Китай будет и дальше развивать свой ядерный потенциал для того, чтобы иметь возможность при удобном случае использовать его в военно-политических целях (шантажа или прямого применения) для ликвидации своих основных мировых конкурентов в политико-идеологической и экономической области.

Вывод второй: Ядерные силы КНР будут развиваться в ограниченных масштабах, так как военно-политические (и политико-идеологические) цели Китай сможет добиться при помощи экономических и иных невоенных средств.

Разработка методов оценки и прогноза показателей и критериев, определяющих характер войн и вооруженных конфликтов, имеет принципиальное значение для военного планирования и программ развития ВС, ВиВТ. Точность такой оценки и прогноза непосредственно влияет на эффективность военной политики и способность государства в будущем обеспечить национальную и военную безопасность.

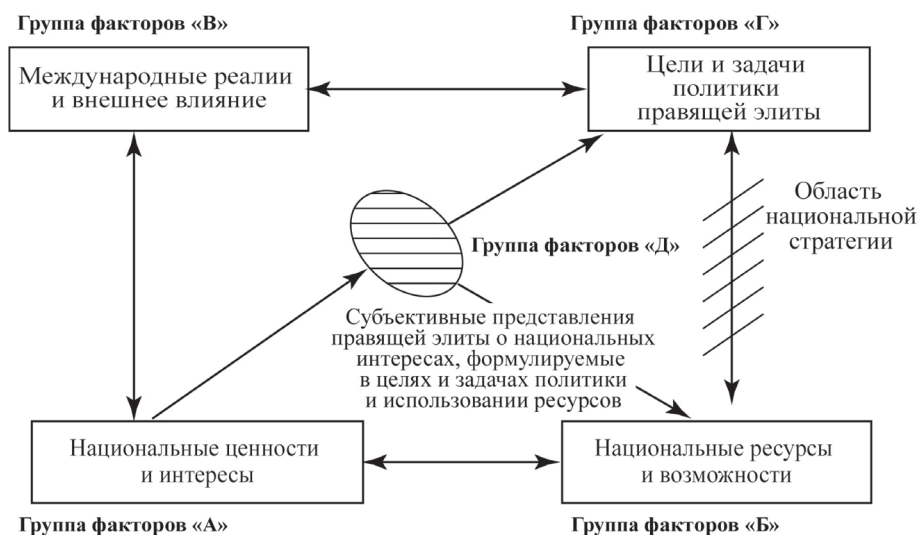
И, наоборот, недооценка тех или иных факторов ВПО, неопределенность в прогнозе будущих военных конфликтов может привести либо к отставанию в военно-технической области, либо к неэффективным расходам национальных ресурсов. Например, если речь идет о значении НЧК и его институтов для военной безопасности¹⁰.

В этой связи особенно важным следствием оценки будущего характера войн является выбор приоритетов в развитии ВС и ВиВТ, которое становится одним из наиболее важных и ответственных решений, от чего непосредственно зависит безопасность государства и сохранение нации. Этот выбор непосредственно влияет как на использование национальных ресурсов, так и на возможность реализации поставленных политических целей и задач. Как видно из известного рисунка, непосредственное влияние на

этот выбор оказывают и субъективные факторы, что хорошо известно из практики военного строительства не только в России, но и за рубежом.

Определение современного и будущего характера войн и вооруженных конфликтов является **главным условием** точного распределения национальных ресурсов в интересах обеспечения обороны страны между отдельными направлениями развития военной организации, родами и видами вооруженных сил. Неточно сформулированные оценки неизбежно ведут к неправильным определениям приоритетов военного строительства, которые, в свою очередь, ведут к неэффективным расходам национальных ресурсов. Так, строительство современного авианосца, по оценке генерального директора «Невского ПКБ С. Власова, стоит от 100 до 250 млрд рублей, а если его оснастить современным вооружением, «то его цена резко возрастает»¹¹. К этой стоимости необходимо добавить стоимость палубной авиации, подготовку пилотов, инфраструктуру строительства и базирования кораблей эскорта и др. расходы, что делает такую оценку дороже в несколько раз. Учитывая, что военный бюджет России составляет порядка 2000 млрд рублей в год, а его рост за три года предполагается на 44%, сказанное означает, что создание одной ударной авианосной группировки обойдется России ежегодно не ниже, чем в 10% от всех оборонных расходов.

Именно сегодня, в начале шестого технологического уклада, является принципиально важным точно определить основные направления и приоритетные рода и виды Вооруженных Сил и необходимые технологии, ибо все направления и все рода одновременно одинаково интенсивно развивать невозможно. Перечень родов и видов Вооруженных Сил, как и других органов Военной организации страны, должен быть составлен в приоритетном порядке. Такая приоритетность позволяет сконцентрировать национальные ресурсы на наиболее важных технологических направлениях, которые определяются не личными



предпочтениями военного руководства, а развитием международной ситуации и ВПО, а также вытекающих из этих тенденций внешних и военных угроз.

К сожалению, пока об этом говорить нельзя. По-прежнему господствует недооценка значения фундаментальных исследований и НИОКР для будущего состояния ВС и ВиВТ, вытекающая из общей научно-технической политики, проводимой в России. Так, принятая Правительством 21 мая 2013 года ФЦП исследований вообще исключает фундаментальные исследования и НИОКР, декларируя «Основной целью Программы ... формирование конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора исследований и разработок в области **прикладных исследований** (под. А. П.)¹². Но даже эти скромные цели сужены по своим показателям до минимальных размеров.

Явная недооценка может свидетельствовать только об одном — абсолютном непонимании правящей элитой значения опережающего технологического развития страны, в т.ч. для обеспечения ее национальной безопасности.

В этой связи особое значение приобретает проблема анализа перспектив развития не столько систем ВиВТ, но роли и значения отдельных родов и видов ВС, которые в перспективе могут стать наиболее важным военным инструментом внешней политики. Именно от них непосредственно будет зависеть возможность государства сохранить свой суверенитет и национальную идентичность. Таким образом к основным показателям и критериям, определяющим будущий характер войн и вооруженных конфликтов, следует отнести:

- максимально полное соответствие ВС и ВиВТ будущему характеру войн и военных конфликтов. Так, если, например, основным ТВД в будущем станет воздушно-космическое пространство, то соответственно, те рода и виды ВС и ВиВТ, которые соответствуют этому требованию, будут иметь решающее значение. В данном случае — прежде всего ВКО и ударные воздушно-космические вооружения;
- темпы научно-технического и технологического развития страны в целом и ОПК, в частности, которые обеспечивают технологическое равенство;
- способность обеспечить комплексную безопасность страны с разных географических направлений и в разных средах;
- способность соответствовать критериям «стоимость-эффективность» и уровню военных расходов страны до 4% ВВП.

Прежде всего, проблема создания российского ВКО ставит в более широком контексте формирования единого наступательно-оборонительного информационного потенциала сдерживания. Думается, что эта проблема требует детального обсуждения. В XXI веке уже стало фактом появление нового единого ТВД — воздушно-космического, — который не может быть разделен ни территориально, ни по видам, ни по родам Вооруженных Сил РФ.

Пока же такое разделение существует как с точки зрения военной доктрины и военного искусства, так и с точки зрения военного строительства. К сожалению, и сегодня повторяются мантры горбачевского периода об „асимметричном ответе“, т.е. нейтрализации угрозы только с помощью СНВ. Так, бывший

Целевые индикаторы и показатели федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы»

Показатель (индикатор)	Единица измерения	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1 Число публикаций по результатам исследований и разработок в ведущих научных журналах	единиц	1250	2350	3100	3900	4300	4700	5150
2 Число патентных заявок, поданных по результатам исследований и разработок	единиц	—	400	470	510	525	535	545
3 Средний возраст исследователей — участников Программы	лет	47	46	45	44,5	44	43,4	43
4 Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей - участников Программы	процентов	33,2	33,4	33,6	33,8	34,1	34,5	35
5 Количество новых рабочих мест	тыс. рабочих мест	—	0,01	0,04	0,115	0,12	0,265	0,35
6 Объем привлеченных внебюджетных средств	млрд рублей	3,7	4,3	4,9	5,4	5,8	6,1	6,6
7 Дополнительный объем внутренних затрат на исследования и разработки, в том числе за счет внебюджетных средств	млрд рублей	17,8	20,5	23,1	25	25,8	26,5	27,5

начальник штаба РВСН В. Есин изложил существующую в настоящее время концепцию и планы на будущее следующим образом: «Я не вижу перспективы достижения взаимоприемлемого компромисса по проблеме ПРО...

В этой ситуации России не остается ничего другого, как качественно совершенствовать потенциал своих СЯС, придав им способность надежного преодоления создаваемой американцами глобальной системы ПРО. Это наименее затратный, а главное — наиболее эффективный асимметричный ответ на развертывание американцами ПРО.

Это вовсе не означает, что России не следует совершенствовать свою воздушно-космическую оборону. Но поскольку обеспечить противовоздушную и противоракетную защиту всей российской территории невозможно, следует определить приоритеты. Наша страна обладает вполне кредитоспособным ядерным сдерживанием, которое служит своеобразным страховым полисом от прямых военных угроз большого масштаба. Отсюда задача **первой очереди** — обеспечить надежное противовоздушное и противоракетное прикрытие боевых порядков СЯС России, тем самым повысив их боевую устойчивость.

Задача **второй очереди** — совершенствование и наращивание противовоздушной и противоракетной защиты группировок Вооруженных Сил, которые предназначены для действий на возможных ТВД.

И в **третьей очереди** — при наличии оставшихся ресурсов усилия должны быть направлены на противовоздушную и противоракетную защиту других важнейших объектов государства: административно-политических и крупных промышленных центров, жизненно важной инфраструктуры.

Предлагаемое ранжирование в решении задач ВКО позволит при приемлемых затратах ресурсов создать в России в обозримой перспективе систему противовоздушной и противоракетной обороны, которая в совокупности с потенциалом ядерного сдерживания будет способна предотвратить крупномасштабную агрессию»¹³.

Представляется, что этот подход уже не отражает современных реалий, а тем более — будущих. Прежде всего потому, что объектами нападения с помощью неядерного ВТО, как показывает практика, будут центры политического и военного управления и связи, а также средства ВКО. Именно эти цели стали первоочередными в Югославии, Ираке, Ливии. Отвечать на любые акты агрессии, тем более с помощью неядерных сил СЯС, — означает дискредитацию потенциала ответного удара. Тем более, если речь идет о защите союзников, партнеров или иных угрозах. Исчезает не только «гибкость» использования военной силы, но и реалистичность ответных мер. Но, главное, ограничиваются целые направления военного строительства и формулируются неверные положения военного искусства.

Традиции времен «холодной войны» следует как можно быстрее изживать.

Другой военно-политический приоритет — интеграция в Евразии, а в более широком контексте — создание военно-политической коалиции на континенте во главе с Россией. Быстрое изменение соотношения сил в мире делает проблему обеспечения безопасности в Евразии ключевой. Так, например, во внешней торговле РФ первое место в 2013 году занимал Китай (83,5 млрд долл.), второе Германия (71,8 млрд долл.), третье — Нидерланды (68,5 млрд долл.) и лишь четвертое — Украина¹⁴. Этот процесс сопровождается радикальными изменениями в вооружениях и военной технике (ВиВТ), а также в концепциях их использования. Достаточно сказать, что в АТР за первое десятилетие XXI века военные расходы выросли на 100%. На первую роль выходят новые способы применения военной силы для достижения внешнеполитических целей, прежде всего высокоточное оружие (ВТО) в авиационно-космических ударах и средства борьбы с ними (ВКО). Проблемы безопасности, суверенитета и сохранения контроля над транспортными коридорами и ресурсами с помощью военных средств в этой связи становятся жизненно важными. В этих условиях идея создания евразийской обороны, прежде всего в области ВКО, может иметь решающее внешнеполитическое, военное и научно-техническое значение. Особенно, если иметь в виду, что классическая гонка вооружений превратилась в соревнование гражданских и военных технологий. Как совершенно справедливо в этой связи отмечалось в докладе РАН, «Видение будущего — 2030 опирается на понимании ключевых тенденций глобального технологического развития. При этом конкретные инновации на таком временном горизонте по своей природе непредсказуемы, множественны и не поддаются административному целеуказанию. Научно-технологическое прогнозирование предполагает, во-первых, определение и непрерывный экспертный мониторинг наиболее вероятных областей притяжения творческой энергии, инвестиций и последующих изменений в отраслевой структуре экономики. Методы этих оценок разнообразны и для надежности выводов требуется их комплексное применение. Во-вторых, научно-технологическое прогнозирование — это необходимая стадия процесса стратегического управления развитием страны в целом. Как и другие звенья системы управления, эта функция должна быть не только институционализирована, но и поддержана надлежащим технологическим базисом»¹⁵.

Предлагаемая работа представляет собой самый первый набор идей, объединенных в достаточно общую концепцию. Надо отдавать отчет в том, что сегодня пока что не существует ни строгой, завершенной концепции долгосрочного развития военной организации России, ни соответствующих интегрированных сил и средств. Существующая

«доктринальная пустота» должна быть как можно скорее ликвидирована, ибо развитие средств управления, связи, поражения и обороны неизбежно ведет к их интеграции как по пространственному охвату, так и по способу административного и оперативного управления, а в оценке угроз, в стратегическом прогнозе и принятии соответствующих организационных решений ведет к серьезным, даже необратимым последствиям.

Эта новая доктрина должна четко сформулировать главную военно-политическую цель России и потенциальных союзников, необходимые силы и средства, а, главное, военно-политическую направленность. В частности, изначально она должна исходить из необходимости защиты территории и воздушно-космического пространства России и ее союзников в Евразии. Пока что эта концепция подкреплена лишь решением о создании Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) СНГ, принятым в декабре 2012 года.

В Российской и постсоветских правящих элитах необходимо сознательно формировать систему приоритетов, в которой геополитические и военно-политические интересы не должны уступать экономическим и торговым. «Простой подход» экономической выгоды, который, к сожалению, господствует не только в сознании постсоветских элит СНГ, но и в России, не отражает современных реалий. Это означает, что и Военная доктрина России, и ее военно-техническая составляющая должны исходить из общих приоритетов безопасности евразийских государств. В частности, если речь идет о военно-техническом сотрудничестве, военной политике и управлении ВС ОДКБ и других государств. Прежде всего в области ВКО.

После известных программных заявлений Президента России В. Путина по проблемам развития стратегических наступательных и оборонительных сил нашей страны в 2012–2013 годы в экспертном



Рис. 1.

сообществе четко образовалось два «полюса», две позиции, которые скрыто существовали с 80-х годов XX века. Если сформулировать очень просто, то первая позиция и группа экспертов полагается на простой «асимметричный» ответ в развитии СНВ, а вторая на необходимость создания эффективной системы обороны. Разница в подходах — принципиальная.

Соответственно и оценки угроз и возможные меры по их ликвидации не только разные, но и еще до конца не оформлены. Это вызывает серьезные вопросы не только к военной доктрине России, но и перспективам управления ВС, их интеграции, программе развития ВВТ до 2020–2030 годов и т.д.

Как видно (рис. 1), «на вершине» пирамиды находятся **результаты** реализации стратегии, полученные после затраты неких ресурсов (финансов, времени и т.п.). Они зависят от качества принятых стратегических решений и эффективности самой стратегии, а та, в свою очередь, от качества прогноза и планирования.

Главная проблема заключается в том, чтобы лица, отвечающие за принятия решений, т.е. элита, понимали суть стратегии и исходили из ее закономерностей, а не субъективных представлений. Иначе любые прогнозы, планы и стратегии бессмысленны.

Прогноз, определяющий будущий характер войны

При прогнозировании перспектив развития геополитической обстановки нельзя все сводить к высказываниям государственных деятелей... Чтобы не ошибиться в прогнозах и оценках, главный упор в исследованиях надо делать на анализе объективных факторов¹⁶.

*М. Гареев,
генерал армии России*

При подготовке такой работы необходимо иметь в виду, что она может иметь практический интерес потому, что со второго десятилетия XXI века можно говорить о том, что Россия вступила в новый период самоидентификации и разработки соответствующей стратегии национальной безопасности: «В условиях глобализации процессов мирового развития..., формирующих новые угрозы и риски для развития

личности, общества и государства. Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности»¹⁷ — справедливо говорится в Стратегии национальной безопасности.

Эта новая Стратегия национальной безопасности находится в центре общественных и экспертных дискуссий прежде всего из-за ее новых аспектов

в области военного строительства, возросшего объема расходов на оборону и смену внешнеполитических приоритетов. Можно сказать, что на эту дискуссию оказывает серьезное влияние политическая борьба, развернувшаяся в 2012–2014 годы между либералами и государственниками, что неизбежно сказывается на ходе и результатах этой дискуссии. Очень важно, чтобы (как в недавнем прошлом в СССР и России) политические аспекты не перевесили научные аргументы. Это привело в том числе и к крупным переменам в руководстве страны, прежде всего отставке Л. Кудрина, руководства МО и Генерального штаба, реорганизации в деятельности ОПК страны. При этом важно подчеркнуть, что будущее России связывается с будущими угрозами ее безопасности, частью которых являются военные угрозы и ее способность нейтрализовать эти угрозы. И первое, и второе — составные части новой Военной доктрины страны как системы официально принятых в государстве и обществе взглядов.

В стратегическом прогнозе проблема будущих внешних и военных угроз рассматривается в широком военно-политическом контексте, при этом особый акцент сделан на развитии Национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов, опережающем развитии науки, образования и новейших технологий¹⁸. В первую очередь, речь идет о формировании той части идеологии и политической практики правящей элиты России, которая относится к военной доктрине и военной политике страны, евразийской интеграции и которая очень далека от своего совершенства, но неизбежно влияет на принятие военно-политических решений. Иногда совершенно неоправданно.

Методически в работе предлагается достаточно формализованный известный подход к анализу политики, схема которой была предложена профессорами МГИМО(У) М. Хрустальевым и А. Злобиным еще в 80-е годы XX века, и уточненный в некоторых деталях мной впоследствии. В том числе и в серии

книг, объединенных общим названием «Национальный человеческий капитал», опубликованных издательством МГИМО–Университет в 2011–2014 годах¹⁹. Этот подход, как показала практика, оказался достаточно эффективным. В упрощенном виде он выглядит следующим образом: рис. 2.

Как видно из этой упрощенной схемы (каждый из разделов которой требует, при разработке прогноза, естественно, дальнейшей конкретизации), на базовую систему / систему национальных ценностей и интересов (группа «А») непосредственное влияние оказывает группа факторов «Б» (ресурсы и возможности) и группа факторов «В» (внешнее влияние). На эту базовую систему ценностей оказывается и субъективное внимание правящей элиты и общества. Нередко вредное, даже извращенное. Поэтому в «чистом» виде эта базовая, «традиционная» группа факторов не существует: в зависимости от различных обстоятельств (наличие войны, угрозы, давления) и внутренней ситуации в стране (состояния национальных ресурсов, предательства элиты), национальная система ценностей и национальные интересы воспринимаются и интерпретируются в политические цели в разное время по-разному, иногда очень субъективно, неточно, ошибочно и даже преступно. Так было, например, в начальный период существования СССР, а также в последнее десятилетие XX века. Отчасти — продолжается и сегодня в силу самого разного рода обстоятельств. И прежде всего приоритетов внешнего воздействия (в т. ч. силового), а также средств и форм вооруженной борьбы.

Важно подчеркнуть и другое, а именно: область стратегии, которая охватывала цели, задачи и национальные ресурсы (вектор «Г» — «Б») постепенно переносится на вектора «В–А» и «В–Д». Если воздействие на национальную идентичность усиливается, в том числе через «мягкую силу», что стало хорошо заметно и превратилось в политическую проблему, то непосредственное воздействие на национальную

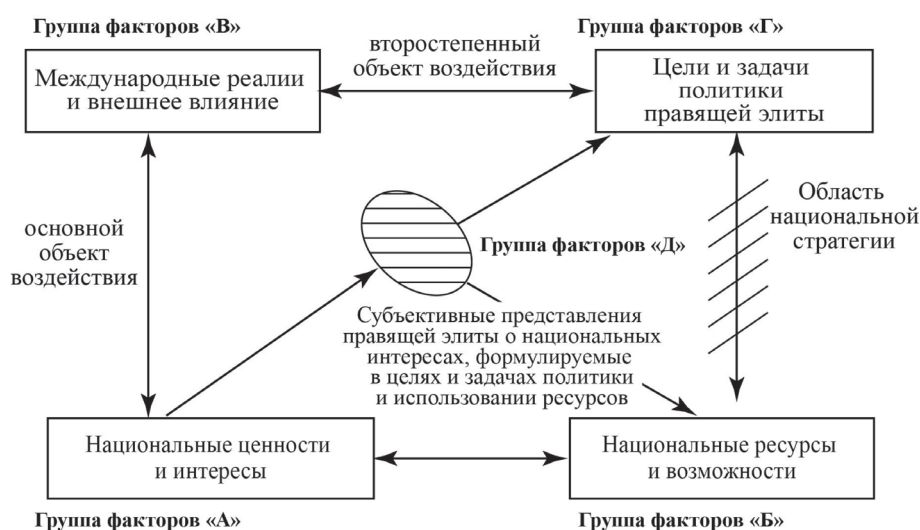


Рис. 2.

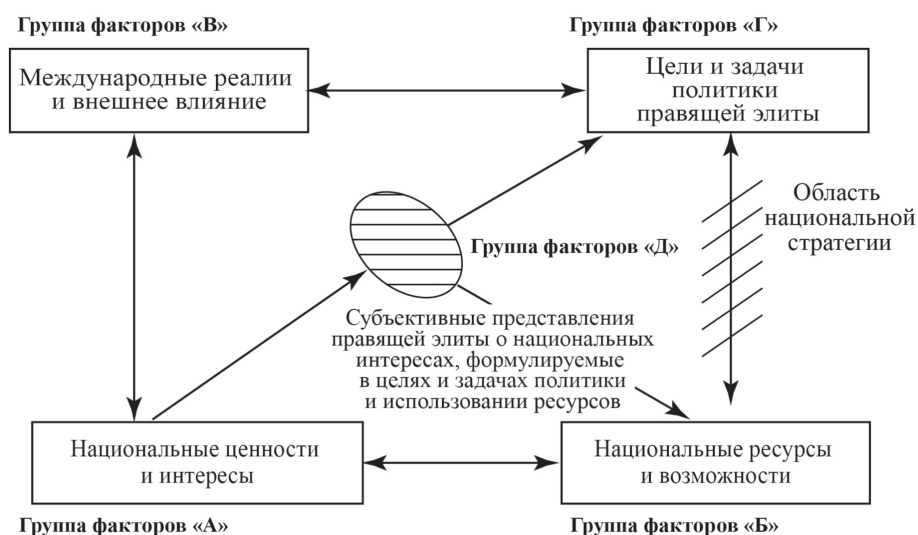


Рис. 3.

элиту — относительно новое явление, которое в истории встречалось, но не носило массового характера. Другими словами, система национальных ценностей и национальные элиты (а не ее отдельные представители) превратились в объект внешнего влияния со стороны отдельных государств и негосударственных акторов. При подготовке прогноза влияние этих факторов нельзя недооценивать. Нередко в предыдущие годы это влияние оказывалось сильнее объективных тенденций и приводило к принятию неверных решений. Об этом я не раз писал в 90-е годы, когда стало очевидным, что главным объектом воздействия стало не государство, а национальная система ценностей²⁰.

Важно отметить, что в 2012–2013 годы, проблема адекватной оценки значения системы национальных ценностей и интересов получила особое внимание со стороны общественности и правящей элиты. Инициатива оказалась в руках Президента РФ, который в 2012–2013 годах сумел изменить политико-идеологический вектор развития страны. Воссоединение с Крымом в 2014 году стали логическим продолжением этого курса. Но не только: в ноябре 2013 года в МГИМО(У) прошла специальная научная конференция под председательством В. И. Матвиенко, а в Казани (в том же месяце) аналогичная конференция под руководством С. Е. Нарышкина. До этого, в августе 2013 года этой теме было посвящено специальное выступление В. В. Путина на Валдае, а в декабре 2013 года — Послание Президента страны Федеральному Собранию.

Целесообразно в очередной раз вернуться к логической схеме политического процесса с тем, чтобы акцентировать внимание именно перенос центра влияния внешних сил с группы факторов «Г» (государственные цели) на базовую группу факторов «А» («Национальная система ценностей»).

Как видно из рисунка (рис. 3), группа факторов «В» (Международное влияние, внешние опасности

и военные угрозы») прямо и непосредственно воздействуют как на группу факторов «Г», так и на группу факторов «А». Проблема однако заключается в том, что именно в силу высоких военных и иных рисков в XXI веке основной акцент сместился на группу базовых факторов «А».

События на Украине 2013–2014 годов наглядно показали, что именно внешнее воздействие на систему национальных ценностей со стороны США и стран Евросоюза — системное, последовательное и длительное — обеспечило им поддержку значительной части украинской элиты и общества. Собственно государственные институты Украины, в т.ч. ее военной организации — ВС, МВД и пр. — сыграли в этом плане второстепенную роль.

Эта смена акцентов внешнего влияния и приоритетного воздействия означала, что фактически сменился и основной объект воздействия — вместо государства им стала нация и общество, прежде всего система национальных ценностей и интересов.

К сожалению в российской действительности это пока что не нашло своего отражения, включая и важнейшие нормативные документы, где главный приоритет — система национальных ценностей — по-прежнему «выпадает» из эпицентра внимания. Фактически сохраняется упрощенное представление о взаимосвязи национальной и государственной безопасности, которое видно из следующего рисунка: (рис. 4).

Эти изменения, произошедшие фактически, но не нашедшие своего отражения в законодательных и нормативных российских документах, тем не менее уже стали реальным фактором влияния на конкретную политику и решения военно-политического руководства. Кризис на Украине и во взаимоотношениях с Западом 2013–2014 годов в еще большей степени ускорил этот процесс. Так, отсутствие национальной платежной системы в России позволило «VISA» и «MasterCard» заблокировать движение

средств ряда банков. Этот пример — стал очередным доказательством необходимости при любых решениях исходить из потребностей национальной системы ценностей и национальных интересов, а не из «потребностей» пресловутой глобализации.

В более широком контексте это означает, что главный приоритет в системе ценностей — национальный человеческий капитал — должен был бы быть осознанным и стать действительным приоритетом еще несколько десятилетий тому назад²¹. Тем не менее, те сдвиги, которые произошли в осознании элиты страны в новых реалиях в 2012–2013 годы, имели свои непосредственные практические последствия.

Непосредственным результатом этого мировоззренческого сдвига стало пристальное внимание руководства страны, ОПК и Минобороны к отечественным фундаментальным исследованиям и НИОКР, а в целом — постепенный отход от либеральной концепции внешних технологических заимствований²², что имеет особенно важное значение в развитии военных технологий, ВиВТ.

Важно понимать, что основные вопросы военного строительства в современной России упираются в вопросы, связанные с формированием национальной идентичности и защитой национальной системы ценностей. Они приобрели во втором десятилетии XXI века **прикладное военно-политическое значение**²³, которое не всегда учитывается при формировании военной политики России. По вполне понятным причинам: в компетенцию органов военного управления страной, а тем более военной промышленности, не входит оценка политических и мировоззренческих приоритетов высшего уровня. Более того, представители военной и военно-промышленной элиты СССР

и России традиционно дистанцируются от таких оценок даже на самом высоком уровне. В частности, когда речь идет о соотношении понятий «национальная» и «военная» безопасность.

Между тем при проведении мероприятий в области военной политики необходимо исходить изначально прежде всего из оценок **ценностного порядка**. Оно, в частности, выражается в том, что:

а). Основные противоречия между государствами в мире **переносятся из области** государственных противоречий в область ценностную, междивизиционную, что неизбежно отражается на их характере. Что случалось и прежде, приобретая наиболее радикальную и длительную форму. Так, период войн XVII столетия невозможно понять без того, чтобы не анализировать противоречия в Европе между католиками и протестантами, а также мусульманами и христианами, православными и католиками (что очень важно, например, при рассмотрении периода «Смуты» в России).

Соответственно, если прежде, как правило, влияние внешних факторов (и военных угроз) концентрировалось на целях и стратегии государств, то сегодня они все больше переносятся на системы национальных ценностей. По этой причине внешние и военные угрозы имеют уже не только антигосударственную, но и антинациональную (антиценностную) направленность. Если обратиться к уже известному рисунку, то оказывается, что вектор «В–Г» уменьшает, а вектор «В–А» усиливает свое значение.

Это имеет самое прямое отношение к анализу военных угроз и эволюции современной парадигмы международных отношений. Прежде всего с точки

Взаимосвязь понятий «национальная безопасность» и «военная безопасность» (предлагаемый вариант)

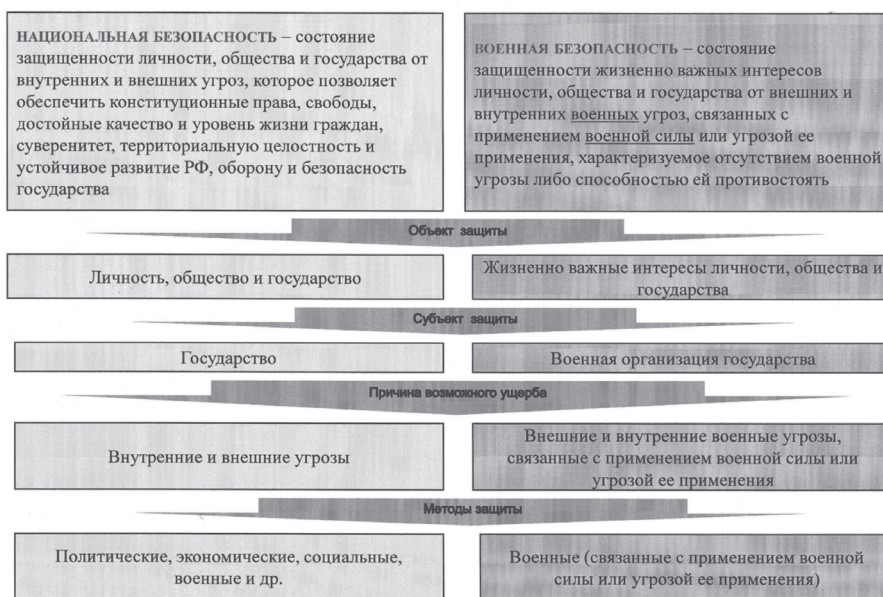


Рис. 4.

выбора **средств влияния** и ведения силовой борьбы, целью которых становится нация и ее система ценностей, а не только государство.

б). Резко усилилось значение информационных средств. Влияние внешних факторов (прежде всего внешних угроз) на три основные группы факторов, формирующих политику государства, — политические цели и задачи (включая внешнеполитические), национальную элиту и национальную систему ценностей, самоидентификацию и национальные интересы — **перераспределяется** в пользу последних. Если до недавнего времени основные внешние угрозы вытекали из противоречий между национальными интересами (даже в период «холодной войны») идеологические, мировоззренческие противоречия уступали место прагматизму, что видно, например, на примере политики «разрядки» первой половины 70-х годов XX века), то во втором десятилетии XXI века основные противоречия и вытекающие из них **внешние угрозы стали смещаться в мировоззренческую, ценностную плоскость**. Не случайно, например, приоритеты «прав человека» и «демократической формы организации государства» стали во многом официальной внешнеполитической доктриной США и Евросоюза. Этим объясняется резко возросшее значение СМИ как информационного оружия, а также значение контроля над киберпространством. При этом речь идет о целом наборе как известных средств «психологической войны», так и о принципиально новых явлениях, которые в XXI веке превращаются в самостоятельную силу — «концептуальное» оружие, способность создавать ложные цели и ценности, новые информационные архитектуры, в т.ч. социальные сети и т.д.

Особо следует сказать о выборе **адекватной** стратегии (стратегий), число которых может быть достаточно большим, а с учетом большинства внешних факторов — практически неограниченным.

в). Этот перенос влияния внешних факторов на продвижение чужой системы ценностей отражается на многих **конкретных** аспектах военной политики:

- экономической (навязывание идеи «заимствования технологий»);
- социальной (социальном моделировании);
- научно-технической (например, свертывание фундаментальной науки, НИОКР и национальные технологии);
- военной доктрины (внедрение чуждых, заведомо ложных концепций).

Военная доктрина России, так же как и политика в целом, испытала на себе сильное влияние процесса внедрения чужой системы ценностей. Внешнее давление на военную доктрину России преследует цель разрушения ее ценностных основ. Главная ее особен-

ность — вооруженная борьба переносится из сферы борьбы политических интересов в группу ценностей, где военная сила стала рассматриваться уже не только в качестве традиционного инструмента государств, но и наций, даже цивилизаций. В частности, военная доктрина США и стран-членов НАТО стала ориентироваться не столько на «защиту» государственных (прагматических) интересов, сколько на продвижение западно-либеральной системы ценностей, что нашло свое отражение в том числе в официальных заявлениях и документах.

Под влиянием этого процесса по-новому стали формироваться **военные угрозы**, оценка которых имеет принципиальное значение, для военной доктрины России, ибо в зависимости от такой оценки в первую очередь будет формироваться военная политика нашей страны.

Целесообразно разделить группу факторов внешнего влияния, как минимум, на четыре подгруппы — международные реалии, собственно факторы внешнего влияния, внешние угрозы и военные угрозы, — внутри которых, естественно, существуют свои разделительные линии.

Наконец, очень важное значение имеет правильная оценка национальных ресурсов, тех объемов, которые необходимо выделять для обеспечения защиты от внешних угроз. Эта проблема имеет огромное политическое значение, так как недооценка угроз также опасна, как и их переоценка: недооценка ведет к нарушению способностей защитить свою безопасность, а переоценка — к милитаризации экономики и общества, торможению социально-экономического развития.

При решении этой проблемы нельзя исходить из «простых» решений, хотя всегда есть соблазн ограничить, например, военные расходы 1% ВВП (как в Европе и Японии), либо порядка 4% ВВП, как в России. Думается, что важнее предложить варианты новой структуры военных расходов. Так, например, финансирование технологий двойного назначения может быть отнесено к военному бюджету, но вполне допустимо и для гражданских отраслей.

Особенно важное значение этот подход имеет к финансированию НЧК, который прямо отражается как на качестве личного состава ВС, так и на качестве ВПК, а также государственного, местного и общественного управления. Финансирование науки и образования, например, не только обеспечивает опережающие темпы роста экономики, но и является лучшими инвестициями в боевую эффективность.

Отдельно следует сказать о том, что структура военного бюджета страны должна быть переориентирована на долгосрочные цели, что должно найти свое отражение прежде всего на увеличении финансирования в пользу отдельных наиболее приоритетных родов и видов Вооруженных Сил, исходя именно из прогноза вероятных угроз в стратегической перспективе.

Наконец, принципиально важно пытаться прогнозировать основные направления возможной эволюции политических угроз, хотя именно **политические угрозы** и являются наиболее трудным объектом для анализа. Это вытекает из такого простого признака, что **намерения** правящих элит могут меняться очень быстро, иногда на прямо противоположные, но **возможности**, в том числе военные, меняются значительно медленнее. Так, если в 1939 году Великобритания готовилась к интервенции против СССР, то в 1941 году стала его военным союзником. Поэтому, прогнозируя угрозы, необходимо опираться прежде всего на оценку потенциальных возможностей, а не намерений правящих элит. Причем не только военных или технологических, но и возможностей, определяющих сегодня мощь государства, — например, качество национального человеческого капитала и его институтов. Есть основания полагать, что оценка НЧК является наиболее достоверным критерием оценки возможных будущих угроз. Именно на основе анализа таких возможностей, измеряемых прежде всего соотношением НЧК противоборствующих сторон, должна будет формироваться в будущем:

- военная доктрина России;
- программа военного строительства;
- эволюция военного искусства;
- развитие военной организации государства.

Причем, все эти процессы эволюции возможностей НЧК имеют долгосрочный характер, и, главное, предсказуемый характер, нацелены на стратегическую перспективу, с одной стороны, и представляют собой основу для анализа, имеющего военно-политическое практическое значение, с другой.

Отдельная тема — оформление подготовки и принятия важнейших военно-политических решений. Главная цель — избежать существующей субъективности, непоследовательности и некомпетентности, когда каждый новый «начальник» перекраивает всю военную политику и военную организацию государства. Принятие решения не должно зависеть от того, какой министр, НГШ, командующий или руководитель ОПК находится в данный момент

у власти. В противном случае любые, самые точные прогнозы и рекомендации бессмысленны. Для этого уровень принятия важнейших военно-политических решений должен быть поднят максимально высоко. Лучше всего на уровень специального политического органа, подчиненного только Президенту РФ, например, Государственному комитету обороны, созданному в мирное время.

Для этого есть немало объективных причин. Военная доктрина современного **государства** объективно превращается в военную доктрину нации, а потом уже государства и общества. Это означает, что:

- формально, нормативные документы (Концепция внешней политики, Военная доктрина России, Стратегия национальной безопасности и др.) должны быть **скорректированы**, изложены в более широком национальном контексте. Они должны вытекать и быть составной частью национальной стратегии развития, которая включала бы в себя как стратегию социально-экономического, инновационного, так и культурно-духовного развития нации;
- они должны быть «подняты» на новый политический уровень, в т.ч. утверждены уже не Указами Президента РФ, а Федеральными Законами, имеющими обязательный характер для федеральных, региональных и местных органов власти, включая бюджетное планирование, финансовую политику и другие важнейшие направления политики государства;
- они должны стать предметом национального, самого широкого обсуждения, а не только результатом работы аппаратов Совбеза и Минобороны. Речь идет о том, что эти документы должны быть рассмотрены:
- политической элитой;
- экспертной средой;
- широкой общественностью.

Только в этом случае такие нормативные документы станут не только общенациональными, но и эффективным инструментом **управления** обществом и всеми институтами государства.

Эволюция военных способов и средств достижения военно-политических целей

Переоценка способов и средств ведения вооруженной борьбы является естественным и непрекращающимся процессом во всех странах. Ситуация начала XXI века, когда стратегическая обстановка в мире существенно изменилась, неизбежно диктует

Угроза глобальной ядерной войны отодвинулась, но возрос риск ядерного нападения²⁴.

Оценка стратегической обстановки в Стратегии использования ядерного оружия США

очередную переоценку. Для США, в частности, это означает, что они уже не заинтересованы в применении ядерного оружия в традиционных войнах и вооруженных конфликтах, оставляя за ним роль «гаранта» эффективного применения иных спосо-

бов и средств вооруженной борьбы. Как отмечается в документах США, в указаниях президента перечислены принципы, которые определяют роль ядерных сил США. **Таковыми принципами**, в частности, являются:

- Основным предназначением ядерного оружия США остается сдерживание ядерного нападения на Соединенные Штаты, их союзников и партнеров;
- Соединенные Штаты будут рассматривать применение ядерного оружия только в чрезвычайных обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов Соединенных Штатов, их союзников и партнеров;
- Соединенные Штаты будут поддерживать надежные средства ядерного устрашения, способные убедить любого потенциального противника, что неблагоприятные для него последствия нападения на Соединенные Штаты или их союзников и партнеров значительно превысят любые потенциальные выгоды, которые противник может попытаться получить от такого нападения;
- политика США заключается в обладании заслуживающим доверия потенциалом устрашения (сдерживания) с минимально возможным количеством ядерного оружия, соответствующим сегодняшним и будущим потребностям безопасности США, их союзников и партнеров.

Этот пример ведущей в военном отношении страны очень характерен. Он свидетельствует о том, что существующие военно-политические цели правящие круги США будут добиваться другими способами и средствами. В этой связи ключевыми становится уже не вопрос о военно-политических целях, а именно о новых способах и средствах, с помощью которого они будут стремиться добиться по существу тех же целей.

Особое значение в этой связи приобретают те национальные приоритеты и ценности, которые доминируют в правящей элите того или иного государства. Во многом именно они определяют сегодня военно-политические цели и способы и средства будущей войны для каждого субъекта ВПО. Так, на рисунке, расположенном ниже, важны не столько абсолютные суммы военных расходов, а их соотношение между отдельными государствами, которые демонстрируют именно приоритеты тех или иных правительств и правящих элит.

Военные расходы Индии в сравнении с военными расходами других государств в 2012 г. (SIPRI)

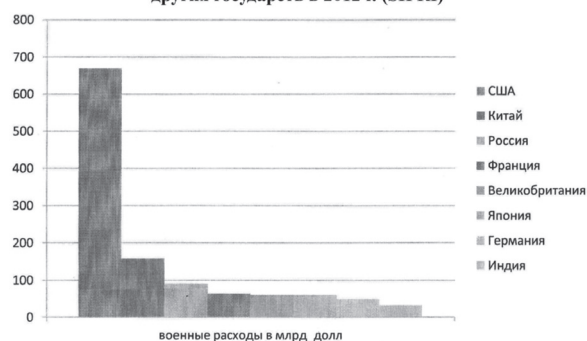


Рис. 5.²⁵

В частности, руководство Индии и Германии, чьи ВВП не только выше, чем у Франции и Великобритании, но и растут существенно быстрее, тратит на реализацию своих военно-политических целей существенно меньше.

На мой взгляд, это свидетельствует не о «миролюбии» Германии и Индии и отсутствии у них военно-политических целей, а об их стремлении использовать для их достижения **иные способы и средства**, оставляя за военными способами и средствами роль гаранта эффективного применения новых подходов.

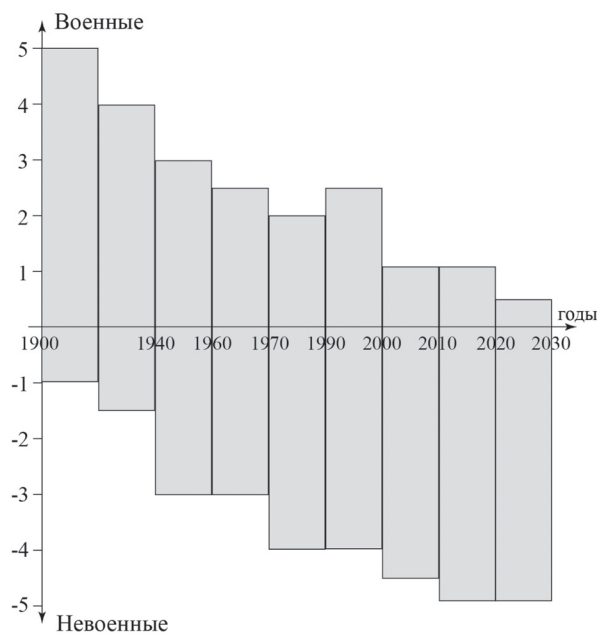
Результаты операций по «стабилизации» для страны – жертвы агрессии

- Крах всех электронных систем страны
- Крах финансовой системы страны
- Крах энергетической системы страны
- Крах системы управления государством
- Крах системы электроснабжения населения и экономики
- Вывод из строя системы жизнеобеспечения государства
- Вывод из строя государственно-образующих объектов экономики
- Активизация деятельности повстанцев (вооруженной оппозиции)
- Массовые антиправительственные выступления населения
- Высокая вероятность возникновения гражданской войны
- Вывод из строя ключевых объектов транспортной инфраструктуры
- Голод и эпидемии, деградация системы здравоохранения страны
- Разгул уголовной преступности, насилия и бандитизма
- Хаос в социально-экономической сфере
- Поражение сознания населения и нагнетание паники
- Действия сил специальных операций вооруженных сил
- Спорадические военные операции классического типа

В этой связи не может не обратить внимание, например, стремительное расширение форм военного сотрудничества между странами, которое стало общепризнанной нормой современных МО, подтверждающей стремление к предсказуемости использования военной силы.

Другая, невоенная, политическая сторона характера будущей войны определяется переносом акцентов противоборства с государством на нацию и ее систему ценностей. Надо отчетливо понимать, что переход противоборства из сферы межгосударственных в межнациональную, межцивилизационную форму ставит совершенно по-другому и проблему роли собственно военной силы, сокращая объемы и способы ее прямого использования в пользу невоенных силовых методов. Победить государство с помощью военных средств можно, но нацию — нет. Это можно отобразить на следующем рисунке.

Соотношение военных и невоенных силовых способов во внешней политике



Как видно из рисунка, невоенные силовые методы начинают очевидно превалировать с появлением ОМУ, а тем более военно-стратегического паритета. После ликвидации СССР и ОВД стремление использовать силовые методы вновь усилилось, однако даже на этом фоне невоенные силовые методы становились доминирующими. Так, в сирийском конфликте США и их союзникам удалось привлечь от 40 тыс. до 120 тыс. наемников²⁶, но избежать самостоятельного участия.

В зависимости от скорости процесса, его масштабов и последствий будут проявляться способности государства к силовой политике, в том числе выборе силовых средств. Так, если признать, что конечной политической целью войны становится навязывание своей системы ценностей (а не захват территории, как прежде), то очевидна эволюция раз-

вития силовых средств, в пользу невоенных средств насилия, т.е. «мягкой силы»:

- информационных;
- психологических;
- общественных и т.д., о чем уже всерьез говорится на совещаниях ОДКБ.

Их приблизительный перечень очень большой, но он требует тщательного анализа и мониторинга с точки зрения развития возможностей их использования. Так, некоторые российские исследователи приводят, например, следующий набор таких мер:

Требует особого внимания и появление «полувоенных», военно-политических силовых средств, имеющих промежуточное значение. Их пока еще нельзя назвать военными, но уже нельзя назвать только невоенными силовыми средствами. Речь идет, например, о средствах специальных идеологических и киберопераций, способности нарушать систему государственного и общественного управления, воздействовать на сетевые сообщества, коммуникации, нарушать системы общественных связей.

Происходит таким образом «вытеснение» традиционных военно-силовых средств вооруженной борьбы новыми, «контрценностными», имеющими **силовое**, в т.ч. военное значение, но не относящихся сегодня к средствам вооруженной борьбы. Речь идет о навязывании чужих представлений, образов, штампов, норм поведения (в том числе в области безопасности), концепций, не отвечающих национальным интересам России и т.п.

Другими словами, традиционный подход к оценке и эволюции военных угроз, тем более в его упрощенном «танково-сухопутном» варианте, требует серьезного пересмотра. Будущие угрозы вероятнее всего будут соответствовать новым парадигмам развития человечества и военного дела. В этой связи анализ взаимосвязи системы национальных ценностей и военного строительства имеет ключевое значение для понимания способности России нейтрализовать внешние угрозы. Разделение деятельности войск (сил) против отдельных государств и даже на отдельных ТВД уже фактически произошло. Схематично это можно представить на следующем рисунке²⁷ (рис. 6).

При этом возникает принципиальный вопрос о том, кто в стране, какая структура ее военной организации должны заниматься нейтрализацией этих угроз?

Но это, как показывает практика последних лет, отнюдь не является очевидным для лиц, принимающих ключевые военно-политические решения. Так, эффективное военное строительство (включая ГОЗ) возможно только на основе сохранения и опережающего развития национальной системы ценностей, в т.ч. — научных и технологических школ, на базе которых нужно развивать военное строительство и иметь в виду при формировании ГОЗ. Тем более на долгосрочную перспективу в 30–50 лет. Этот вывод также справедлив ко всей национальной политике

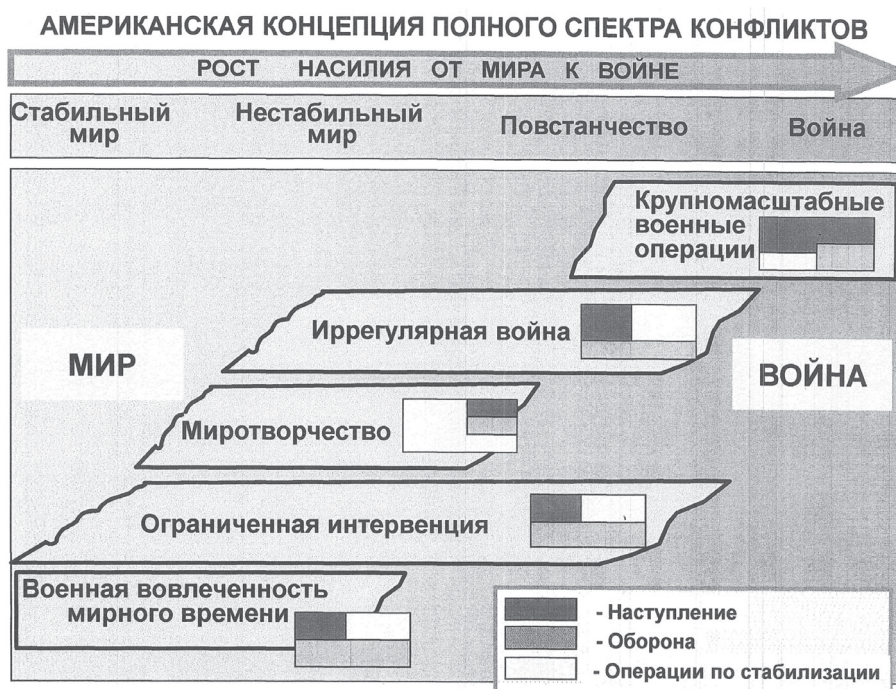


Рис. 6.

«модернизации и инноваций». В частности, сказанное означает, что нельзя опираться в промышленной, а тем более инновационной политике на «внешних технологических заимствованиях». Ставка на опережающее технологическое развитие и новые виды и системы ВиВТ возможна только при условии опережающего развития национальной фундаментальной науки, НИОКР, образования и технологий²⁸.

Кроме того, важно понимать необходимость опережающего развития гражданских технологических отраслей и технологий двойного назначения, которые

создают фундамент для будущих систем ВиВТ: необходимо созидательное формирование национальных институтов развития и бережное отношение к уже существующим. В том числе в военной организации страны, где требуются сознательные и серьезные усилия по воссозданию научных школ в НИИ, академиях и на предприятиях. Причем делать это надо в тесной кооперации с гражданскими ведомствами. Создание институтов развития требует десятков, иногда сотен лет, поэтому приоритетное значение имеет их сохранение и развитие. Так, РАН, Инженерное общество,



Рис. 7.

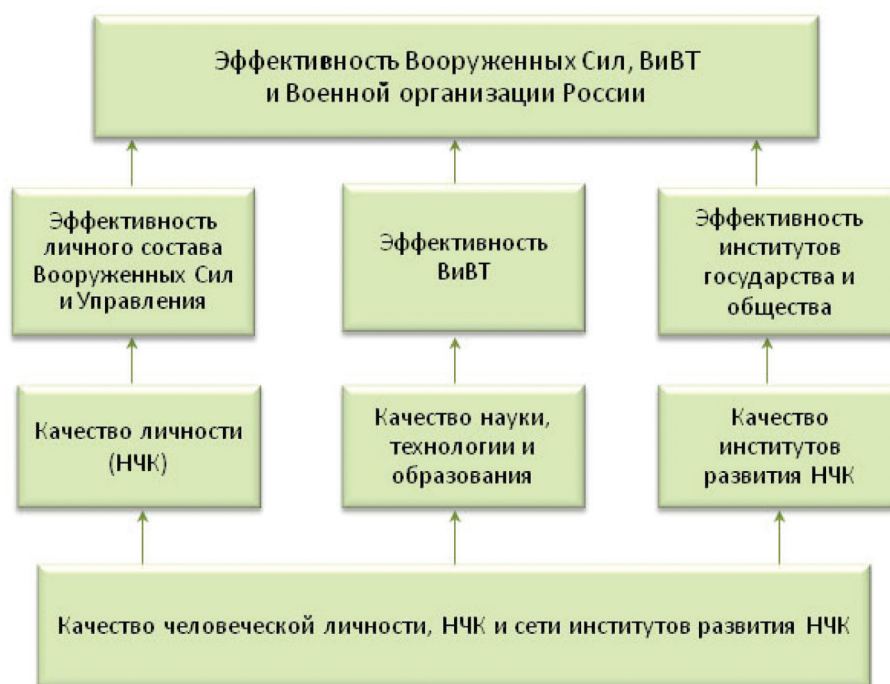


Рис. 8.

Палестинское общество и т. п. создавались, увеличивали свой культурно-информационный и материальный потенциал десятилетиями (и даже столетиями). Их уничтожение или неумное реформирование имеет колоссальное негативное значение для НЧК России, в т. ч. для военного потенциала России.

Это видно в том числе и из того, что в последние десятилетия сместился акцент между двумя видами деятельности ВС — боевым и небоевым — в пользу последнего И. Попов и М. Хамзатов образно показали это на следующем рисунке (рис. 7).

На другом рисунке может быть отображена взаимозависимость эффективности ВС страны и основных факторов, определяющих будущие национальные силовые возможности России: как видно из этой (заведомо упрощенной схемы), эффективность ВС России будет зависеть в долгосрочной перспективе от 3-х групп ключевых факторов: (рис. 8).

Во-первых, качества личного состава, которое определяется прежде всего его профессиональной подготовкой и личным человеческим капиталом (уровнем культуры, образования, нравственности, творческими способностями и т. д.), которое поддается в т. ч. и количественному измерению и должно быть значительно выше, чем ныне существующий не только в отдельных подразделениях, но и в целом, во всех родах и видах ВС.

Во-вторых, эффективностью ВиВТ, которая в первую очередь определяется уровнем развития:

- науки;
- технологий;
- промышленной базы;
- модернизационным ресурсом;
- уровнем развития национального ОПК и ВС.

В-третьих, эффективностью институтов государства и управления ВС, в частности, уровнем военного искусства, способностью быстрее, чем в других странах развивать управленческие навыки. При этом особо следует сказать о новом качестве воинских коллективов, их способности творчески решать поставленные задачи, максимально использовать существующий человеческий потенциал.

По-прежнему огромное значение имеет профессионализм и нравственные качества военнополитического руководства, МО и Генштаба, видов и родов ВС, соединений и частей. Не секрет — и события на Украине в 2014 году это ясно показали, — что даже боеспособное соединение, оснащенное достаточно современными ВиВТ, оказывается недееспособным если его руководство и л/с деморализованы и не способны принимать самостоятельные решения.

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом исполняющего обязанности Президента России В. В. Путиным № 706 от 21.04.2000 г.

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ 5 февраля 2010 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Военный потенциал Китая, вопросы глобальной и региональной безопасности. Доклад конгрессу в соответствии с законом о финансировании на оборону на 2010 финансовый год, стр. 92 / URL: http://www.iss-atom.ru/articl_iss/report_usa_china.pdf

- ⁶ **Характер войн и вооруженных конфликтов** — зд. структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей и масштабы военных действий.
- ⁷ Макаров К., Ягольников С. Вопрос государственной важности // ВПК. 2013. 11 сентября. № 35(503).
- ⁸ Военный потенциал Китая, вопросы глобальной и региональной безопасности. Доклад конгрессу в соответствии с законом о финансировании на оборону на 2010 финансовый год, стр. 98 / URL: http://www.iss-atom.ru/articl_iss/report_usa_china.pdf
- ⁹ Там же. С. 55.
- ¹⁰ См. подробнее: Подберезкин А. И. Креативный класс и идеология русского социализма. Т. 3. Кн. 3. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО–Университет, 2011.
- ¹¹ Названа стоимость перспективного российского авианосца / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2014. 4 февраля / URL: <http://topwar.ru/>
- ¹² Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы». Утверждена 21 мая 2013 г. Постановление Правительства. № 426. С. 11.
- ¹³ Есин В., Фаличев О., Андреев Д. «Сармат» заменит «Воеводу» / Эл. ресурс: «ВПК». 2013. 4 сентября / URL: <http://vpk-news.ru/articles/17289>
- ¹⁴ Маркелов Р. От Лиссабона до Владивостока // Российская газета. 2013. 25 ноября. С. 6.
- ¹⁵ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.) Проект. М.: РАН, 2008. С. 3.
- ¹⁶ Гареев М. А. Последовательно отстаивать национальные интересы // ВПК. 2014. 22–28 января. № 2(520). С. 4.
- ¹⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента России 12 мая 2009 г. № 537 / www.kremlin.ru
- ¹⁸ Учитывая разницу в методологических и теоретических подходах к этим проблемам, вызванной в том числе непоследовательностью в политике России в 80–90-е годы, автору пришлось заниматься уточнением понятийного аппарата и ряда категорий, сформировавшихся в этот и последующий период. В частности, понятийного аппарата и аббревиатур на русском и английском языке, чему были посвящены специальные работы. См., например: Подберезкин А. И. Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО–Университет, 2013. 239 с., а также: Подберезкин А. И. Понятия, термины и определения, используемые в работе. М.: МГИМО–Университет, 2014. 450 с.
- ¹⁹ Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. Приложения № 1–4. М.: МГИМО–Университет, 2011–2014 гг.
- ²⁰ См., например: Подберезкин А. И. Русский Путь. 4-е издание. М.: РАУ-корпорация, 1999 г.; Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. ВОПД «Духовное наследие». М., 2000 и др.
- ²¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Человеческий капитал. М.: Европа, 2007.
- ²² См., например: Рогозин Д. О. Робот встанет под ружье // Российская газета. 2013. 22 ноября. С. 17.
- ²³ См.: Подберезкин А. И. Тезисы выступления А. И. Подберезкина на ежегодных XIX Шишкинских чтениях в МГИМО(У) 21 декабря 2013 года / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 23 декабря / URL: <http://viperson.ru/>
- ²⁴ Доклад о Стратегии использования ядерного оружия Соединенными Штатами Америки. 2013. 12 июня. С. 3.
- ²⁵ Официальный сайт SIPRI / URL: <http://www.sipri.org/>
- ²⁶ Тьерри Мейсан: США развязали в Сирии войну четвертого поколения / «Евразийская оборона». 2014. 17 января / URL: <http://eurasian-defence.ru/>
- ²⁷ См. подробнее: Попов И.,
- ²⁸ Подберезкин А. И. Из заочников в руководители // Независимая газета. 2013. 23. Декабря. С. 7.

